

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ В 1943–1953 гг.

Нестерович Николай Борисович

старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси; кандидат исторических наук (г. Минск, Беларусь)

Как известно, в довоенный период руководство СССР во главе с И. Сталиным не допускало никакого сотрудничества с церковью, хотя уже к концу 1920-х гг. она стала в целом лояльной к Советской власти. С этого времени окончательно утвердилась линия на форсирование темпов ликвидации религии, командно-приказное администрирование в отношении духовенства и верующих, что привело к гонениям и преследованиям многих из них. В годы Великой Отечественной войны положение заметно изменилось. В условиях, когда Русская

православная церковь (РПЦ) с первых дней войны заняла патриотическую позицию, сотни священнослужителей и рядовых верующих ушли на фронт и сражались в армии, защищая Родину, руководство страны, и прежде всего И. Сталин, вынуждено было несколько скорректировать свое отношение к религиозным организациям. Отношения между государством и церковью стали постепенно нормализоваться. Это относилось, прежде всего, к православной конфессии. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И. Сталина и митрополитов Сергия, Алексия и Николая, на которой была высоко оценена патриотическая позиция РПЦ, достигнута договоренность об увеличении числа епархий, приходов, открытии монастырей, библейских курсов, издании церковной литературы. Для установления связей между правительством и Московской патриархией (и одновременно для осуществления контроля за деятельностью РПЦ) 14 сентября 1943 г. при СНК СССР был образован Совет по делам Русской православной церкви, а 19 мая 1944 г. – Совет по делам религиозных культов, ведавший религиозными организациями остальных конфессий. Советы имели в союзных и автономных республиках, областях (в БССР – в каждой из ее областей) и краях своих уполномоченных [1, с. 96; 2, с. 8–9].

Однако, несмотря на улучшение отношений между государством и церковью, принципиальным образом они не изменились, а его отношение к религии вообще осталось прежним. Последняя, как и раньше, была «предрассудком буржуазного прошлого», «формой реакционной идеологии», и задача борьбы с ней оставалась одной из основных в государственной идеологической политике. Подтверждение тому – постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды» от 27 сентября 1944 г. (соответствующее постановление 17 октября 1944 г. принял и ЦК КП(б)Б), которое обязало партийные, комсомольские, профсоюзные организации, органы народного образования и культурно-просветительные учреждения «широко поставить» антирелигиозную пропаганду, подчеркнув, что она «приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурия, суеверий и предрассудков» [3, с. 521–522; 4, с. 471]. Как свидетельствует конкретный исторический материал, на практике эти партийные установки вылились в очередную кампанию по беспардонному унижению и преследованию духовенства и верующих. То, что с большой натяжкой можно отнести к действительно атеистическому воздействию на эту часть советских людей, представляло собой чрезвычайно пассивную форму агитации на очень низком теоретическом уровне. В основном же «работа» среди верующих осуществлялась по старинке – командно-приказными, волевыми методами. Хотя формально не раз с самых высоких партийных трибун, в официальных постановлениях заявлялось о необходимости проведения государственным идеологическими структурами только терпеливой, кропотливой, научной и т.д. и т.п. атеистической деятельности, осуждались оскорбительные выпады против служителей культа и рядовых верующих со стороны органов печати и пропагандистов. Именно лишь формальное осуждение этих и подобных «ошибок» давало ясно понять, что отношение государства к религии совсем не изменилось, что оно продолжает рассматривать атеистическую про-

паганду не просто как идейное соперничество официальной идеологии с религиозной, но и как политическую борьбу против верующих, получивших ярлык «прислужников империализма».

Стремление форсировать преодоление религии, командно-административный нажим на верующих проявлялись в рассматриваемое время в различных формах. Наиболее распространенными в Беларуси были незаконные (без разрешения Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов) закрытия храмов [5, л. 115–116, 167], бесосновательные (вопреки положениям законодательства о религиозных культах) запреты проведения и разгон собраний, богослужений верующих [6, л. 93; 7, л. 93], чрезмерное налоговое давление на них [8, л. 76], погромы культовых зданий и их имущества, оскорбления духовенства и верующих [9, л. 81; 10, л. 63; 11, л. 27–29] и др.

Таким образом, можно констатировать, что именно непримиримое идеологическое противостояние между государством и церковью в СССР было главной, глубинной причиной напряженно-конфронтационных, а порой и враждебных отношений между ними. Некоторое их идейное примирение в годы войны на почве идеи общего советского патриотизма в борьбе с фашизмом стало основой заметного улучшения государственно-церковных отношений. Однако после окончания войны стремление властей продолжить борьбу с «копиумом для народа» (чем, согласно марксистско-ленинской идеологии, начиная еще с 1920-х гг., являлась религия) обусловило постепенное ухудшение этих отношений, положения религиозных организаций и верующих. Примерно в 1948–1949 гг. данный процесс стал приобретать все более выраженный характер (так, например, если в результате начавшейся с 1943 г. в освобожденных от немецко-фашистских войск районах СССР регистрации органами власти религиозных организаций к 1946 г. в Беларуси было зарегистрировано 139 общин евангельских христиан-баптистов, а к 1 июля 1947 г. это количество возросло до 229, то в 1949 г. число зарегистрированных общин евангельских христиан-баптистов сократилось до 203, к 1 июля 1953 г. – уже до 181 [12, л. 178; 13, л. 189–190; 14, с. 4]), а в 1954–1964 гг., когда страной руководил Н. Хрущев, отношения советского государства и церкви вернулись к традиционной для 1930-х годов практике.

Литература

1. Алексеев, В.А. От какого «опыта» сегодня отказываются / В.А. Алексеев // Политическое образование. – 1989. – № 9. – С. 93–97.
2. Васильева, С.В. Изменение государственной политики в отношении древлеправославной церкви в условиях Великой Отечественной войны / С.В. Васильева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 7–13.
3. Об организации научно-просветительной пропаганды: постановление ЦК ВКП(б), 27 сент. 1944 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983–1990. – Т. 7: 1938–1945. – 1985. – С. 521–523.
4. Об организации научно-просветительной пропаганды среди населения республики: постановление ЦК КП(б)Б, 17 окт. 1944 г. // Коммунистическая партия Бело-

русии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК (1918–1975): в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск : Беларусь, 1983–1987. – Т. 3: 1933–1945. – 1985. – С. 471–472.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. Оп. 1. Д. 22.
6. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 8.
7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 18.
8. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 11.
9. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 12.
10. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 16.
11. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 1. Д. 21.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 592.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 348.
14. Балтрушэвіч, Н.Г. Узаемаадносіны дзяржавы і пратэстанцкай царквы на Беларусі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе / Н.Г. Балтрушэвіч // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць: зб. матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 7–8 кастр. 2004 г. / Брэсцкі дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна ; рэдкал.: У.П. Люкевіч [і інш.]. – Брэст, 2005. – С. 3–4.